

Глава IX

Производство в большом и производство в малом размере

1. Из важности сочетания труда явно следует вывод, что есть много случаев, в которых производство совершается гораздо успешнее, когда ведется в большом размере. Если достижение наибольшей успешности труда зависит от сочетания многих работников, хотя бы только по способу простого сотрудничества, то размер предприятия должен быть таков, чтобы соединилось в нем много работников, а размер капитала таков, чтобы он мог содержать много работников. Еще нужнее это, когда характером занятия допускается, а размером возможного сбыта вызывается значительное разделение труда. Чем обширнее предприятие, тем дальше может быть проведено разделение труда. Вот одна из главных причин развития больших фабрик. Если дальнейшее расширение операций даже и не поведет к большему разделению работ, то будет большая экономия от расширения операций до такого размера, чтобы вполне занят был своим особенным делом каждый человек, которому выгодно будет назначить это дело. Беббедж прекрасно разъясняет это (стр. 214 и след.):

«Если машины работают без перерыва круглые сутки (а такой способ работы их единственный экономичный способ, как само собою видно), необходимо кому-нибудь заниматься тем, чтобы впускать работников, приходящих на смену других. А отдых этого привратника или другого прислужника одинаково нарушается, одного ли человека или двадцать человек впускает он. Также необходимо бывает по временам поправлять действие машины или чинить ее; а это гораздо лучше будет исполняться работником, привыкшим делать машины, чем работником, употребляющим машину. Далее: прочность машины и исправность ее в работе очень много зависит от того, чтобы поправлять каждое ослабление, каждый недостаток в ее частях, при первом же его появлении; потому безотлагательное наблюдение машиниста, находящегося при самой фабрике, значительно уменьшит трату, происходящую от порчи машин. Но если фабрика имеет всего один станок, содержать машиниста было бы слишком дорого. Из этого происходит другая причина, ведущая к расширению объема фабрики: фабрика должна состоять из такого числа машин, которое занимало бы все время работника, смотрящего за их исправностью; а если число машин будет больше этого, тот же расчет показывает надобность удвоить или утроить их число, чтобы они вполне занимали время двух или трех машинистов.

«Когда часть труда работника состоит в простом напряжении физической силы, например, в тканье и многих других фабрикациях, то фабрикант скоро заметит, что если эта часть труда будет исполняться паровой машиной, один человек, на его, например, ткацкой фабрике, будет управлять вдруг двумя или больше станками. А мы уже предположили, что при фаб-

рике есть машинист или несколько машинистов; потому число станков легко сделать такое, чтобы время этих машинистов было вполне занято присмотром за ними и за паровую машиною.

«По дальнейшему приложению тех же расчетов, фабрика постепенно так расширяется, что расход на ее освещение по ночам доходит до значительной суммы. А при ней уже есть люди, не спящие всю ночь и могущие постоянно присматривать за освещением; есть также машинисты, могущие устраивать и чинить всякие механизмы; потому прибавление аппарата на выделку газа для освещения фабрики ведет к новому ее расширению, а с тем вместе уменьшает стоимость производства, сокращая расходы на освещение и риск несчастных случаев от огня.

«Гораздо раньше, чем фабрика достигнет такого размера, будет уже найдено необходимым учредить счетное отделение с особыми людьми, выдающими жалованье рабочим и смотрящими, чтобы они являлись на работу в положенное время. Это отделение должно быть в связи с агентами, закупающими материалы, и с агентами, продающими изготовленный продукт». Для этих агентов и бухгалтеров немногим больше времени и труда понадобится на то, чтобы выдавать жалованье большому числу рабочих и вести счета по большим сделкам, чем выдавать жалованье небольшому числу рабочих и вести счета по мелким оборотам. Если оборот удваивается, то, вероятно, будет надобность лишь несколько увеличить, но не удвоить число агентов по покупке и продаже, бухгалтеров и кассиров. Каждое расширение дела дает возможность вести его с пропорционально меньшим количеством труда.

Издержки дела далеко не возрастают пропорционально размеру дела—это общее правило. Возьмем в пример ряд операций, которые мы привыкли видеть исполняемыми одним большим заведением, почтовым ведомством. Предположим, что, например, хотя одна только лондонская городская почта не централизована в одном заведении, а разделена между пятью или шестью соперничающими компаниями. Каждая из них была бы принуждена иметь заведение почти столь же обширное, как то, которое достаточно теперь для целого дела. Каждая должна была бы устроить прием и раздачу писем во всех частях города, посылать почтальонов в каждую улицу, почти в каждый дом, по столько же раз в день, как ныне посылает почтамт, — иначе дело велось бы хуже, чем теперь. Каждая компания должна была бы в каждом квартале иметь контору со всеми вспомогательными учреждениями для сбора писем из разных контор и распределения их по кварталам на раздачу. Я уже не говорю о том, что понадобилось бы гораздо большее число высших служащих для надзора за подчиненными, что потребовалось бы больше расходов на жалованье этим доверенным лицам, и по их многочисленности, вероятно, даже пришлось бы часто быть менее разборчивым при назначении на эти места, брать на них людей, неспособных исполнять свою обязанность.

При свободной конкуренции есть безошибочный признак, по которому бывает видно, в каждом данном случае, перевешивается или нет выгодами, происходящими от ведения дела в большем размере, выгода большей заботливости и большей внимательности к маленьким прибылям и потерям, обыкновенно встречаемая в заведениях небольшого размера. Когда в одной и той же отрасли производства есть и большие и малые заведения, те из них, которые при существующих обстоятельствах ведут дело выгоднее, будут иметь возможность подорвать другие большею дешевизною. Возможность постоянно продавать по более дешевой цене, вообще говоря, дается только большею успешностью труда. А большая успешность труда, происходя от большего разделения занятий или от их классификации, ведущей к лучшей экономии искусства, всегда ведет не только к получению равного продукта от меньшего количества труда, но и к получению большего продукта от равного количества труда: она увеличивает не только прибыль, но и валовой продукт промысла. Если прибавка в количестве какого-нибудь товара не нужна и потому часть работников лишается своего занятия, то капитал,

содержавший и занимавший их, также освобождается, и общая сумма продуктов страны увеличивается через какое-нибудь новое приложение их труда.

Другая причина появления больших фабрик — ведение процессов, требующих дорогих механизмов. Дорогой механизм предполагает большой капитал и устранивается не иначе, как только с намерением производить и продавать все то количество товара, какое может вырабатываться полной силой механизма. По этим двум обстоятельствам, где употребляется дорогой механизм, там неизбежна система производства в большом размере. Но возможность продавать дешевле тут не служит таким безошибочным признаком полезного влияния на общее производство страны, как служит в первом случае. Возможность понижения цены зависит не от абсолютного увеличения продукта, а от того, что увеличилась его пропорция сравнительно с издержками; в одной из предыдущих глав (глава VI) мы показали, что это может быть совместно даже с уменьшением годичного валового продукта. Через принятие машины оборотный капитал, который постоянно потреблялся и воспроизводился, обращается в оборотный капитал, требующий лишь небольшого ежегодного расхода для своего поддержания, и гораздо меньший продукт будет достаточен для покрытия этого расхода и возвращения остального оборотного капитала производителю. Потому машина очень может быть выгодна фабриканту и давать ему возможность подорвать дешевизною своих соперников, хотя бы ее действием производство страны не увеличивалось, а уменьшалось. Правда, товар будет продаваться дешевле, и этого одного товара будет, вероятно, продаваться не меньше, а больше прежнего, потому что потеря общества упала на работников, а они в большей части фабрикаций или не главные потребители, или вовсе не потребители. Но если эта отдельная отрасль промышленности может расширяться, ее расширение произойдет через пополнение ее уменьшившегося оборотного капитала из общего оборотного капитала страны; и если работники в этой отрасли промышленности избежали потери занятия, то избежали лишь тем, что потеря разложилась на массу остального рабочего сословия. Если некоторые из рабочего сословия доведены этим до состояния непродуцибельных работников, содержимых добровольно или обязательно благотворительностью, общий продукт страны подвергнется постоянному уменьшению, пропорционально их числу, до той поры, пока постоянный прогресс накопления покроет эту убыль. Но если положение рабочего класса дает ему возможность выдержать временное понижение рабочей платы и оставшиеся лишними работники найдут себе место в других отраслях производства, то их труд останется производительным, а убыль в общем продукте страны вознаградится, хотя не вознаградится убыток работников. Я повторил здесь эти понятия, уже изложенные мною прежде, чтоб сильнее помнилась мысль, что если известный способ производства дает возможность дешевле продавать известный товар, из этого еще не следует непременно, что он увеличивает производительность всей суммы труда в обществе. Второе последствие бывает обыкновенно соединено с первым, но не соединено с ним непременно всегда. Однакож, есть причины думать, что эти исключительные случаи более представляются теоретически возможными, чем бывают частыми в действительности; причины эти я отчасти уже изложил и не буду повторять их здесь; не буду и заранее указывать других, которые будут полнее изложены впоследствии.

В сбережении труда, происходящем от замены производства в малом размере производством в большом размере, значительную часть составляет сбережение труда самих капиталистов. Если сто производителей с небольшими капиталами отдельно ведут одинаковое дело, наблюдение за каждым предприятием, вероятно, займет все внимание лица, ведущего это предприятие или по крайней мере займет его настолько, что не оставит ему времени или свободы в мыслях, чтобы заняться еще чем-нибудь другим. А между тем один фабрикант, владеющий капиталом, равным сумме всех их капиталов, может, при содействии десяти или двенадцати помощников, ве-

сти обороты на всю сумму их оборотов и иметь еще свободное время для других дел. Правда, малый капиталист с управлением делами обыкновенно соединяет известную долю исполнительного труда, которую большой капиталист представляет своим подчиненным. Мелкий фермер сам пашет, мелкий торговец сам бывает сидельцем в своей лавке, мелкий хозяин ткацкой мастерской сам работает за станком. Но именно это соединение занятий очень часто бывает неэкономично. Хозяин предприятия или тратит на рутинную подробность качества, пригодные для общего управления, или, если способен только на эту подробность, дурно ведет общее управление. Впрочем, я должен заметить, что не придаю этому сбережению труда той важности, какая часто ему приписывается. На надзор за многими мелкими предприятиями тратится гораздо больше труда, чем на надзор за одним большим предприятием, это бесспорно. Но мелкие производители обыкновенно имеют полное вознаграждение за этот труд в сознании того, что они сами себе господа, а не слуги какого-нибудь хозяина. Можно сказать, что если они ценят эту независимость, они будут согласны платить за нее и продавать товар по уменьшенной цене, производимой соперничеством большого торговца или фабриканта. Но им нельзя постоянно делать этого и иметь прибыль, достаточную для жизни. Потому они постепенно исчезают из общества. Потребив свой маленький капитал на продолжение безуспешной борьбы, они или ниспадают в положение наемных работников, или становятся нуждающимися в постороннем пособии.

2. Производство в большом размере сильно развивается введением в практику способа составлять большой капитал из соединения многих мелких взносов, иначе сказать, образованием акционерных компаний. Выгоды акционерного принципа многочисленны и важны.

Во-первых, многие предприятия требуют капитала в размере, превышающем средства богатейшего отдельного лица или сотоварищества на паях. Никакой отдельный капиталист не мог бы сделать железной дороги от Лондона до Ливерпуля; едва ли даже мог бы он исполнять перевозку по ней когда она уже сделана. Правительство могло бы сделать ее и возить по ней; и в странах, где сочетание сил еще находится на низших степенях развития, от одного правительства можно ждать работ, требующих большого соединения средств, потому что оно может получать эти средства принудительным путем, через налоги, и уже привыкло к ведению больших операций. Но по причинам, которые довольно хорошо известны и о которых мы впоследствии будем говорить подробно, правительственное ведение промышленных операций вообще бывает одним из самых невыгодных путей, если только возможен какой-нибудь другой путь.

Далее есть такие предприятия, о которых нельзя сказать, чтобы отдельное лицо совершенно не могло вести их, но которых не может оно вести в том размере и с тем постоянством, какие все больше и больше требуются надобностями развивающегося общества. Отдельные лица очень могут отправлять корабли из Англии в какую бы то ни было часть света, перевозить туда пассажиров и письма; это производилось задолго до всякой мысли о составлении акционерных компаний для такого дела. Но при увеличении населения, деловых сношений и средств уплаты публики не хочет довольствоваться случайными возможностями сообщений, а хочет быть уверена, что регулярно будут отправляться корабли, — в иные места каждый день или даже два раза каждый день, в другие еженедельно, в третьи правильно плавать большие пароходы очень дорогой постройки два раза в месяц по определенным дням; очевидно, что для доставления ей этой уверенности в точном содержании такого круга дорогих операций нужен гораздо многочисленнейший состав надежных подчиненных, чем каким может располагать отдельный капиталист. Есть еще другие случаи, в которых дело могло бы очень хорошо быть ведено вовсе небольшими или не очень большими капиталами, но в которых составление большого капитала необходимо или полезно для обеспечения публики в исполнении денежных обязательств. Особенно нужно это, когда сущность дела требует, чтобы находилось очень

много людей, желающих вверять свои деньги известному предприятию, как, например, в банковых и страховых предприятиях, — для тех и других чрезвычайно удобен принцип акционерных компаний. Примером безрассудства правителей служит то, что до недавнего времени в Англии было запрещено приложение принципа акционерных компаний, как общего основания, к этим обоим разрядам предприятий: составление акционерных компаний для банковых операций было запрещено вовсе, а составлять страховые общества было запрещено по морскому застрахованию. Целью этого было доставить выгодную монополию некоторым учреждениям, получившим исключительное право существования, — Английскому банку, Лондонскому страховому обществу и Королевскому биржевому (Royal Exchange) страховому обществу.

Вот некоторые из преимуществ акционерных компаний над предприятиями отдельных людей. Но взглянув на другую сторону вопроса, мы найдем, что эти предприятия также имеют очень большие преимущества над акционерными компаниями. Главное из них то, что в частных предприятиях распорядители гораздо больше заинтересованы в успехе дела.

Управление в акционерных ассоциациях почти все ведется через наемных служащих. Даже совет или комитет директоров, который считается главным распорядителем дела и который действительно назначает и сменяет распорядителей, заинтересован денежною выгодною в хорошем ведении дела только пропорционально числу акций, лично принадлежащих директорам, а эти акции всегда составляют лишь очень небольшую долю капитала компании и обыкновенно лишь небольшую долю имущества самих директоров. Время, посвящаемое ими на управление компаниею, уделяется от множества других занятий, столь же важных или более важных для их личной выгоды, и акционерное предприятие составляет главное занятие лишь для людей, нанятых вести его. Но опыт и поговорки, выражающие результат народного опыта, свидетельствуют, что наемные служащие ведут дело гораздо хуже людей, лично заинтересованных в деле, и что за наемными служащими необходимо наблюдать «хозяйскому глазу».

Для успешного ведения промышленного предприятия нужны два совершенно разные качества: верность и усердие. Верность наемных распорядителей акционерная компания может обеспечить себе. Если труд их может быть подведен под определенные правила, нарушение этих правил будет такою вещью, в которой для совести нелегко будет обманывать себя и ответственность за которую может состоять в потере должности. Но успешное ведение большого предприятия требует кроме того сотни других вещей, которых нельзя определить вперед, обратиться в точные и положительные обязательства. Первое и главнейшее условие здесь то, чтобы мысль распорядителя была постоянно занята делом, постоянно работала над соображениями, как бы получить больше выгод или сберечь расходы. Такой сильной заинтересованности в деле редко можно ожидать в людях, которые ведут дело, как наемные служащие, не в свою, а в чужую выгоду. Опыт человеческих дел не позволяет сомневаться в таком выводе. Все, употреблявшие наемный труд, достаточно испытали, что наемные служащие стараются дать как можно меньше труда за получаемую плату, лишь бы не доводить хозяина до отказа в работе. Все замечают, что интересы хозяина пренебрегаются домашними служителями, если не охраняются каким-нибудь положительным правилом и если продолжительная служба на одном месте и взаимные услуги не произвели в слуге личной привязанности или чувства общности его интересов с хозяином.

Другая невыгода акционерных компаний, до некоторой степени принадлежащая всем предприятиям обширного размера, — пренебрежение к маленьким выгодам и сбережениям. При распоряжении большим капиталом и большими оборотами легко является привычка считать мелкие суммы почти за ничто, особенно когда у распорядителей нет большого личного интереса в деле: эти суммы не считаются стоящими хлопот, которых потребовала бы заботливость о них, и репутация щедрости, благородства дешево покупается небрежностью к этим мелким расчетам. Но мелкие выгоды и мелкие из-

держки, беспрестанно повторяясь, возвышаются до больших выгод и потерь. Большой капиталист часто имеет столько сообразительности, что практически замечает это и устранивает свои дела по такой системе, которая предотвращает обычные в больших предприятиях растраты, если он довольно внимательно смотрит за ее исполнением. Но распорядители акционерного предприятия редко посвящают себя делу с такою внимательностью, чтобы наблюдать за соблюдением истинно-экономной системы во всех подробностях, если даже и введена она.

По этим соображениям Адам Смит пришел к тому, что поставил общим принципом, будто бы акционерные компании никак не могут держаться без исключительных привилегий ни в каких предприятиях, кроме тех, которые могут быть в значительной степени подводимы под определенные правила, как, например, банки, страхование и некоторые другие. Но это одно из тех преувеличений истинного принципа, которые часто встречаются у Адама Смита. В его время, за исключением тех отраслей дел, о которых он упоминал, встречалось мало акционерных компаний, без монополии пользовавшихся постоянным успехом. Но после него явилось много таких компаний, а впоследствии без сомнения будет их еще больше, благодаря непрерывному развитию наклонности к торговому товариществу и умения устроить его. Адам Смит слишком исключительно обратил внимание на большую степень энергии и неусыпной внимательности, вносимой распорядителем в такое дело, где весь капитал и вся выгода принадлежат распорядителю, и опустил из виду разные обстоятельства, имеющие противоположное влияние, — обстоятельства, которыми значительно вознаграждается даже это важное преимущество.

Из обстоятельств, клонящихся в выгоду акционерных компаний, к числу важнейших принадлежит большая умственная и практическая способность их распорядителей. Личный интерес, конечно, служит некоторым ручательством за усердие; но само усердие приносит мало пользы, если принадлежит человеку без хороших умственных способностей, — а это по необходимости должно так быть в большей части предприятий, управляемых лицами, наиболее заинтересованными в них. Когда предприятие обширно и может давать вознаграждение, достаточное для привлечения к нему кандидатов, возвышающихся над общим уровнем, то для общего управления и для всех второстепенных обязанностей специального рода можно бывает выбирать людей с такими знаниями и умственным развитием, что эти преимущества с излишком будут вознаграждать меньшую степень их заинтересованности в результате предприятия. Благодаря своей большей проницательности, они, посвящая делу даже только часть своих мыслей, могут замечать выгоды, которые не будут никак замечены людьми посредственных способностей даже при полном напряжении внимания; а превосходство знаний, обычная верность взгляда и суждения предохраняют их от ошибок, боязнь которых удержала бы других рисковать своими интересами через отступление от обыкновенной рутин.

Далее надобно заметить, что при акционерных предприятиях нет необходимости выдавать служащим в главных или подчиненных должностях все вознаграждение в виде определенного жалованья. Есть способы более или менее тесно сочетать выгоду служащих с денежным успехом предприятия. Между ведением дела вполне на свой счет и трудом за неизменную почасную, понедельную или годовичную плату есть длинный ряд средних положений. Даже в обыкновенной черной работе есть почасная плата, вознаграждение по количеству исполненной работы; большая успешность такой работы очень известна, так что расчетливые хозяева всегда употребляют ее, если только возможно делить работу на определенные части без необходимости в слишком хлопотливом надзоре для предотвращения небрежной выделки. По отношению к распорядителям акционерных предприятий и к надсмотрщикам во многих частных предприятиях довольно сильно распространён обычай связывать их денежный интерес с интересом хозяев, давая им часть вознаграждения в форме процентов с прибыли. Личный инте-

рес в деле, возбуждаемый через это в наемных служащих, далеко не так силен, как интерес лица, которому принадлежит капитал: но все-таки он так силен, что служит очень значительным побуждением к усердию и заботливости; и в соединении с умственным превосходством он часто дает наемному управлению успешность гораздо высшую той, какую может придать своим делам большинство хозяев личным управлением. Обширнейшее развитие, к какому способен этот принцип вознаграждения, имеет большую важность и в экономическом и в социальном отношении; мы подробнее займемся им в одной из дальнейших частей нашего исследования.

Я уже замечал, говоря вообще о предприятиях обширного размера по сравнению с малыми предприятиями, что при свободе соперничества результаты его показывают, какой род предприятий выгоднее в данном случае; то же самое надобно сказать об акционерных предприятиях по сравнению с индивидуальными: те из них, которые ведут дело успешнее и экономнее, всегда, наконец, успеют подорвать дешезвиною предприятия другого рода.

3. Возможность замены производства в малом размере производством в большом размере, разумеется, прежде всего зависит от величины рынка. Производство большого размера может быть выгодным лишь тогда, когда есть надобность в большом количестве продукта, — а для этого условием служит или многолюдство и процветание самой страны, или большой сбыт за границу. Во-вторых, этой замене, как и всякой другой перемене в системе производства, очень благоприятствует развитие капитала. Количество капитала, ищущего себе помещения, бывает велико преимущественно тогда, когда капитал страны ежегодно получает большое приращение; а новое предприятие гораздо скорее и легче основывается на новый капитал, чем на капитал, вынимаемый из прежнего употребления. Также очень облегчается эта перемена существованием больших капиталов в немногих руках. Правда, что такая же сумма капитала может состояться соединением множества небольших сумм. Но это не во всех отраслях промышленности одинаково удобно, а кроме того предполагает гораздо высшую степень распространности коммерческого доверия и предприимчивости в обществе и решительно принадлежит более развитому периоду промышленного прогресса.

В странах, имеющих обширнейшие рынки, обширнейшую распространенность коммерческого доверия и предприимчивости, наибольшее годичное возрастание капитала и наибольшее количество значительных капиталов у частных лиц, находится стремление все больше и больше, в одной отрасли промышленности за другою, заменять мелкие промышленные заведения обширными. В Англии, в которой полнее всего находятся эти экономические черты, постоянно растут большие фабрики, а где находится достаточное число покупателей, также растут обширные лавки и магазины для ведения розничной торговли в большом размере. Они почти всегда находят возможность подрывать дешезвиною мелких торговцев и промышленников; эта возможность происходит, во-первых, разумеется, от разделения труда и экономии, возникающей от употребления людей с специальными способностями только на те занятия, которые нуждаются в особенных способностях; во-вторых, она, без сомнения, происходит и от сбережения труда, какое соединено с большим размером оборотов: в самом деле, исполнение, например, большой закупки требует почти не большей траты времени, не слишком большего умственного труда, чем произведение мелкой закупки, и гораздо меньшей траты времени и труда, чем исполнение множества мелких закупок.

Собственно по отношению к производству и успешности труда эта перемена вполне полезна. Иногда она сопровождается потерями, скорее социального, нежели экономического характера, о которых мы уже упоминали. Но каковы бы ни были, по нашему мнению, невыгоды, соединенные с заменою производства в малом размере производством в большом размере, они не сопровождают перехода от производства в большом размере к производству еще в большем. Если в известной отрасли промышлен-

ности ведение дел малыми независимыми хозяевами или вовсе не было никогда возможно, или уже уничтожилось и вполне водворена система сосредоточения множества работников под управлением одного хозяина, то дальнейшее расширение в размере производства обыкновенно бывает выгодно, не соединенного ни с какими потерями. Например, очевидно, какая значительная экономия труда произошла бы, если бы газом или водою снабжался Лондон от одной компании, вместо нескольких компаний, существующих теперь. Если существуют даже только две компании, они требуют двойного комплекта всех заведений, между тем как одна из двух, с небольшим увеличением объема, вероятно могла бы не хуже двух исполнять все дело; они требуют двойного комплекта машин и сооружений, между тем как все нужное количество газа или воды могло бы доставляться одним комплектом; они требуют даже двойного ряда труб, если компании не предпочли бы этой лишней издержки, согласившись разделить между собою город. Если бы существовала только одна компания, она могла бы продавать воду или газ дешевле, продолжая получать нынешний процент прибыли. Но стала ли бы она продавать свой товар дешевле? Если бы даже и не стала, нация в целом составе все-таки выиграла бы, потому что акционеры члены цедии, а если бы потребители платили нынешнюю цену, акционеры получали бы прибыль, большую нынешней. Притом ошибочно было бы предполагать, что цены постоянно держатся дешевыми от соперничества этих компаний. Где число соперников так мало, они всегда кончают тем, что соглашаются не соперничать между собою. Они могут пойти путем удешевления, чтобы разорить нового кандидата, но лишь только утвердился он, они входят в соглашение с ним. Потому, если дело существенной важности для общества может быть выгодно ведено лишь в таком обширном размере, что свобода соперничества становится почти призраком, то нерасчетливою растратою общественных средств будет содержать несколько дорогих заведений для того, чтобы они оказывали обществу одну и ту же услугу. Гораздо лучше будет прямо считать это дело общественным; и если оно не таково, чтобы само правительство могло с выгодною взяться за него, то надобно отдать все его одному акционерному обществу или товариществу на паях, какое будет исполнять его на условиях, выгоднейших для публики. Например, никто не может желать, чтобы произведена была громадная трата капитала и земли на постройку второй железной дороги для соединения мест, уже связанных существующею железною дорогою, и чтобы увеличивались беспокойства, делаемые железною дорогою соседним жителям, потому что обе они исполняли бы свое дело не лучше того, как оно может исполняться одною, и в скором времени обе компании, вероятно, слились бы в одну. Следует дозволить только одну такую дорогу; но государство никак не должно выпускать из своих рук контроля над нею (исключением может служить разве то, когда она строится с условием перейти через несколько времени в государственную собственность, как во Франции); и право собственности на железные дороги, данное от парламента английским компаниям железных дорог, подобно всем тем правам собственности, которые противны общественной пользе, имеет только ту нравственную силу, что служит правом на вознаграждение.

4. Вопрос о системах производства в большом и малом размерах по применению к земледелию, — о преимуществе больших или малых ферм, больших или малых хозяйств (*grande culture* и *petite culture*), — должен решаться по основаниям, во многом различным от тех, по каким решается общий вопрос о производстве в большом или малом размере. В своем социальном отношении, как один из элементов распределения богатства, этот вопрос займет нас впоследствии; но даже со стороны производства превосходство больших хозяйств в земледелии не так несомненно, как в фабричном деле.

Я уже замечал, что земледельческие операции мало способны пользоваться выгодами разделения труда. На самой обширной ферме разделение занятий все-таки не велико. Правда, вообще особенные люди ходят за ско-

том, другие ездят на рынок, третьи пахут землю, но подразделение не идет многим дальше этой начальной, простой классификации. Сочетание труда, допускаемое земледельцем, состоит главным образом в том, что Уэксфильд называет простым сотрудничеством: несколько человек содействуют друг другу в одном деле, одновременно, в одном месте. Но признаюсь, мне кажется, что этот проницательный писатель приписывает такому сотрудничеству в собственно так называемом земледелии больше важности, чем оно имеет. Ни одна из обыкновенных операций фермы не требует его в очень большой степени. Нет особенной выгоды сводить множество людей вместе, чтобы они пахали, перекапывали или засевали одно поле; нет особенной пользы в этом даже при сенокосе или жнитве, если погода не заставляет особенно спешить. Одно семейство вообще может производить все сочетание труда, необходимое в этих делах. А в других делах, где действительно нужно соединение сил многих людей, редко бывает затруднение получить его, даже в местностях с малыми средствами.

Трата производительной силы от раздробления земли часто доходит до очень вредной степени; но это относится преимущественно к дроблению столь мелкому, что землепашцы не имеют уже такого количества земли, чтобы она занимала все их время. Относительно такого мелкого дробления применяются к земледелию те принципы, по которым отдается преимущество большим фабрикам. Чтобы производство шло самым успешным образом, надобно вообще желать (впрочем, и это правило должно иметь свои ограничения), чтобы ни одно семейство не имело земли, если не может иметь ее столько, сколько могло бы обрабатывать и сколько было бы достаточно для полного занятия его скоту и орудиям. Но такой размер участка вовсе еще не размер большой фермы, а такой фермы, которая считается в Англии очень малою. Большой фермер имеет некоторую выгоду в издержках на постройки. Поместить большое количество скота в одной постройке стоит дешевле, чем дать ему такое же хорошее помещение в нескольких постройках. Есть также некоторая выгода и в орудиях. Мелкому фермеру не так легко иметь дорогие орудия, как большому. Но главные земледельческие орудия, даже самого лучшего устройства, недороги. Мелкому фермеру не расчет иметь свою молотильную машину для своего небольшого количества хлеба; но нет препятствия каждому околотку завести сообща такую машину; нет препятствия и какому-нибудь отдельному лицу иметь такую машину и давать ее в наем другим*. Большой фермер может иметь некоторое сбережение в издержках перевозки. Перевезти на рынок небольшое количество продукта стоит почти такого же труда, как перевезти гораздо большее количество. Перевозка на ферму малого количества удобрения или предметов ежедневного употребления стоит почти то же, что перевозка гораздо большего количества. Притом и покупать вещи большими количествами бывает дешевле, чем малыми. Все эти выгоды надобно считать довольно важными, но едва ли следует считать их уже чрезвычайно важными. В течение нескольких последних поколений Англия мало испытывала системы мелких ферм; но Ирландия имеет много мелких ферм не с одним очень дурным хозяйством, а также и с очень хорошим хозяйством; суждения лучших знатоков дела в Ирландии могут служить опровержением мнению, господствующему об этом вопросе в Англии. Например, мистер

* Соображения, представленные в тексте, могут впоследствии быть несколько изменены такими изобретениями, как паровой плуг и жатвенная машина. Но если от этих усовершенствованных орудий изменится сравнительная выгодность больших и малых ферм, причина тому будет не в успешности труда, а в дороговизне этих машин. Я не вижу оснований думать, что дороговизна их будет так велика, чтобы они остались недоступны мелким фермам или товариществам мелких фермеров. — *Прим. авт.*

Конечно, можно надеяться только того, что они будут доступны товариществам мелких фермеров, потому что паровой плуг или жатвенная машина для полного своего занятия требуют такого пространства земель, возделывание которого далеко превышает силы одного семейства. — *Прим. переводч.*

Блекер, один из самых опытных агрономов северной Ирландии, пользовавшийся хорошим успехом при введении у себя земледельческих улучшений, знающий в особенности те части острова, где земледелие особенно хорошо, а земли наиболее разделены, был того мнения, что фермеры, берущие от 5 до 8 или 10 экров, могут жить с комфортом и платить ренту никак не меньше, чем платили бы большие фермеры. «Я твердо убежден, говорит он (в своем Prize Essay on the Management of Landed Property in Ireland, by William Blacker, Esq. (1837), стр. 23), что мелкий фермер, сам пашущий и копающий свое поле, может вытеснить большого фермера, иначе говоря, может платить высшую ренту, чем большой, если будет держаться хорошего севооборота и кормить свой скот в стойле; в этом утверждают меня мнения многих практических людей, вникавших в дело... Английский фермер, снимающий 700 или 800 экров, бывает человек, приближающийся к тому, что называется джентльмен-фермер. Он хочет иметь верховую лошадь, экипаж, может быть, управляющего для надзора за работниками и, разумеется, сам он не может усмотреть за работами, происходящими на ферме в 800 экров». Сделав еще несколько замечаний, Блекер продолжает: «Кроме всех этих лишних расходов, мало знакомых мелкому фермеру, большую издержку составляет перевозка удобрения от скотного двора на такое большое расстояние и точно так же перевозка хлеба с полей в амбары. Одна лошадь потребит продукт большего количества земли, чем сколько нужно на прокормление мелкого фермера с женою и двумя детьми. Но важнее всего остального то, что большой фермер говорит своим работникам: *ступайте на работу*, а если мелкий фермер нанимает работников, то говорит им: *пойдите на работу*; я надеюсь что проникательный читатель поймет эту разницу».

Одно из самых любимых возражений против мелких ферм то, что они не содержат и не могут содержать, пропорционально своему размеру, такого количества скота, как большие фермы, и от этого недостает на них удобрения, так что земля, разделенная на мелкие участки, непременно должна истощиться. Но оказывается, что раздробление земли производит такой результат лишь тогда, когда отдает землю в руки хлебопашцев слишком бедных, не имеющих средства держать столько скота, сколько нужно по размеру их ферм. Малая ферма и ферма с недостаточным количеством скота вовсе не синонимы. Чтобы сравнение было справедливо, мы должны предположить количество капитала, находящееся у больших фермеров, раздробленным между малыми фермами. Если существует такая соразмерность, или хотя близкая к ней пропорция, и если скот кормится в стойлах (а ныне начинают считать выгодным кормить скот в стойлах и на больших фермах), то опыт вовсе не подтверждает мнения, будто бы мелкие фермы неблагоприятны размножению скота, — нет, он неоспоримо показывает совершенно противное. Изобилие скота и удобрения на мелких фламандских фермах составляет самую поразительную черту фламандского земледелия, которому дивятся все анатоки дела и в Англии и на континенте*.

* Прекрасный трактат о фламандском сельском хозяйстве, составленный по лучшим наблюдениям и лучшим источникам и изданный «Обществом распространения полезных знаний», говорит: «Люди, незнакомые с способом приготовления корма скоту на фламандских фермах, в которых вся земля обращена под пашню, удивятся количеству скота на них. По одной голове крупного скота на каждые три экра земли — вот обыкновенная пропорция, а в очень мелких хозяйствах, где производится много работы заступом, пропорция еще больше. Сравнение отчетов из разных местностей и ферм о среднем количестве молока, получаемого от коровы, кормящейся в стойле, показывает, что она дает молока гораздо больше наших (английских) лучших коров и также, что из данного количества молока от нее получается больше масла. Удивительно покажется, что человек, имеющий только 10 или 12 экров земли легкого сорта, может содержать четыре коровы или пять коров; но это факт, известный в Весском округе» (стр. 59, 60).

Вопрос этот очень основательно рассматривается в книге Пасси Дес

Если есть невыгода в малом хозяйстве или хозяйстве поселянина по сравнению с хозяйством капиталиста, она должна главным образом состоять в меньшей степени знания и искусства. Но нельзя поставить общим фактом, что малые хозяйства ниже больших и в этом отношении. Страны малых ферм и хозяев-поселян, Фландрия и Италия, имели хорошее земледелие несколькими поколениями раньше, чем Англия, и вообще говоря, их земледелие до сих пор остается, вероятно, лучшим в целом мире. Поселяне-хозяева часто владеют высокою степенью эмпирического искусства, бывающего результатом ежедневного и внимательного наблюдения. Например, в странах, производящих лучшие вина, поселяне, по преданию, владеют необыкновенным знанием виноградарства. Разумеется, у них нет науки или по крайней мере теории; есть у них также некоторый недостаток стремления к тем усовершенствованиям, которые состоят в принятии новых процессов производства. Недостает у них и средств делать опыты, которые обыкновенно могут с выгодой производиться лишь богатыми собственниками или капиталистами. Вообще нельзя ожидать от малых собственников тех систематических улучшений, которые должны производиться вдруг на большом пространстве земли

Systèmes de culture et de leur influence sur l'Economie Sociale, одном из самых беспристрастных французских исследований о сравнительной выгодности большого и малого земледельческого хозяйства. «Англия бесспорно содержит наибольшее количество скота на данном пространстве (говорит Пасси). Только Голландия и некоторые части Ломбардии могли бы оспаривать у нее первенство в этом. Но должно ли это считаться результатом размера хозяйства, не содействуют ли тому климатические обстоятельства и особенности местного положения? Мы думаем, что бесспорно содействуют. Действительно, что бы ни говорили, но где большие и малые хозяйства встречаются в одной местности, малые хозяйства хотя и не могут содержать столько овец, как большие, но по количеству производимого скотом удобрения имеют всего скота в общей сложности больше, чем большие хозяйства. Вот, например, выводы из сведений, доставляемых Бельгиею:

«Антверпенская провинция и Восточная Фландрия, где господствует мелкое хозяйство, имеют средним числом по 74 головы рогатого скота и по 14 овец и баранов на 100 гектаров возделываемой земли. Намюрская и Геннегауская провинции, где встречаются большие фермы, имеют на 100 гектаров возделываемой земли только по 30 голов рогатого скота и по 45 баранов и овец. Считая, по обыкновенному правилу, 10 баранов равняющимися 1 голове рогатого скота, мы находим в первых двух провинциях 76 голов рогатого скота для поддержания плодородности земли, а в двух последних меньше 35 голов, — разница громадная. (Цифры взяты нами из статистических документов, издаваемых министром внутренних дел.) Надобно также заметить, что в той части Бельгии, где земля разделена на очень мелкие фермы, число скота немногим меньше, чем в Англии. Считая пропорцию скота на одну возделываемую землю, Англия имеет на 100 гектаров 65 голов рогатого скота и около 200 баранов; все это количество равняется 91 голове рогатого скота, то есть только 15 головами больше, чем в Антверпенской и Восточно-Фландрской провинциях. Надобно прибавить, что в Бельгии почти ничего не теряется из удобрения, даваемого скотом, который почти весь год кормится в стойле, между тем как в Англии количество удобрения, приносящего полную пользу, значительно уменьшается оттого, что скот пасут в поле».

«В Северном департаменте наибольшее количество скота также содержат округа, в которых фермы меньшего размера. Округи Лилльский и Гасбрукский, кроме большого числа лошадей, имеют других животных число равное: в Лилльском 52 головам, а в Гасбрукском 46 головам рогатого скота; а в округах, где хозяйства имеют больший размер, содержится скота меньше: в Дюнкирхенском количество, равное 44 головам, а в Авенском — 40 головам рогатого скота» (цифры взяты из *Statistique de France, publiée par le ministre de commerce. «Agriculture», том I*).

(каковы большие работы дренажа или орошения), или по другим причинам действительно требуют сочетания труда множества работников; впрочем, бывают примеры соединения малых фермеров или собственников и для производства таких дел; а при большем умственном их развитии подобные случаи сделаются более частыми.

Но где характер собственности или найма земли соответствует надлежащим условиям, там все эти невыгоды вознаграждаются в мелких хозяйствах усердием труда, совершенно беспримерным при других системах хозяйства. Это факт, о котором единогласно свидетельствуют компетентные судьи. О характере мелких хозяйств не следует судить по тем случаям, когда мелкий хозяин просто арендатор земли, и арендует ее даже не по контракту на определенных условиях, а за такую номинальную ренту (как донине в Ирландии), которая превышает всякую возможность уплаты, то есть в сущности за неопределенную ренту, постоянно восходящую до крайней суммы, какая только может быть уплачена. Чтобы понять характер мелкого хозяйства, надобно изучать его там, где хлебопашец — собственник или по крайней мере половник, постоянно сидящий на одной земле, где он увеличивает продукт и ценность земли вполне или по крайней мере отчасти в выгоду себе и своему потомству. В одной из следующих частей трактата мы должны будем подроб-

«Подобные исследования о других частях Франции представили бы такие же результаты. Если в подгородных местах мелкие хозяйства не держат скота, удобрение которого легко заменяется в них покупкою городского удобрения, то вообще при возделывании, требующем от земли наибольшего продукта, необходимо с наибольшею деятельностью поддерживать ее плодородие. Правда, мелким фермам нельзя иметь многочисленных стад овец, и это их невыгода; но, наоборот, они больше больших ферм содержат рогатого скота. Это необходимость, которой не могут они избежать в странах, где нужды потребления дают им цветущее существование. Они погибли бы, если бы не удовлетворяли этим потребностям.

«Но вот об этом еще подробности, за верность которых, по нашему мнению, совершенно ручается достоинство труда, из которого мы берем их. Передаваемые нами сведения находятся в статистике Вансатской общины, изданной доктором Жюссро, мэром этой общины; они тем драгоценнее, что раскрывают, какой характер имели в этой местности изменения, произведенные мелким хозяйством в количестве и породах скота, удобрением которого поддерживается и увеличивается плодородие земли. В Вансатской общине, имеющей 1 612 гектаров, разделенных на 4 600 участков (*parcelles*) и принадлежащих 591 владельцам, количество возделываемой земли 1 466 гектаров. В 1790 году две трети этого пространства были заняты 17 фермами, остальная треть другими 20 фермами. После того хозяйства раздробились и теперь дошли до крайней мелкости. Какое же влияние имела эта перемена на количество скота? Она значительно увеличила его. В 1790 году община имела около 300 голов рогатого скота и от 1 800 до 2 000 овец. Теперь она имеет 676 голов рогатого скота и только 533 овец. Итак, взамен 1 300 овец она приобрела 376 голов рогатого скота; считая получаемое от них удобрение, мы увидим, что оно с 490 возросло до 729, то есть больше чем на 48 процентов. Притом надобно заметить, что скот ныне, будучи крупнее и получая лучший корм, дает гораздо лучшее удобрение.

«Вот что говорят нам факты. Итак, неправда, будто бы мелкие хозяйства не содержат столько скота, как крупные; напротив, при одинаковых местных условиях мелкие хозяйства имеют больше скота, как и следовало предполагать, потому что они требуют от земли больше продукта, следовательно, должны также больше заботиться и об ее плодородии. Переберем все другие упреки мелкому хозяйству, пересмотрим их на основании внимательной оценки фактов, и мы не замедлим увидеть, что все они точно так же неосновательны, что они порождены только сравнением состояния таких стран, в которых причины земледельческого благосостояния действуют не с одинаковою энергиею» (стр. 116—120). — *Прим. авт.*

нее разобрать важный вопрос о способах владения и пользования землею, и я отлагаю до того времени приведение свидетельств об удивительном трудолюбии поселян-собственников. Здесь довольно будет указать на огромность валового продукта, вообще получаемого английскими работниками с их маленьких участков, хотя они даже не имеют постоянного пользования этими участками: они получают с них несравненно больший продукт, чем получает или может найти выгодным получать с той же земли большой фермер.

В этом я нахожу истинную причину того, что для простого помещения капитала с целью получения коммерческой выгоды хозяйства вообще выгоднее. Земля снимается большим фермером за менее высокую ренту. Он расходует на нее меньше труда. И если он получает больше прибыли по пропорции к расходам, это происходит не от экономии, производимой сочетанием труда, а просто оттого, что он расходует меньше. Он не имеет выгоды платить другим за весь тот труд, которому с радостью подвергается поселянин или фабричный работник, имеющий участок земли, когда все труды плода пожинает сам. Но этот труд производителен; им увеличивается валовой продукт. При одинаковом искусстве и знании большой фермер не получает с земли столько продукта, как мелкий собственник или мелкий фермер, если у мелкого фермера есть достаточные побуждения работать усердно. Но если большой фермер получает меньшую пропорцию продукта, он расходует еще меньшую пропорцию продукта, и, платя за весь труд, употребляемый им, он не находит выгодным употреблять большее количество его.

При одинаковости условий валовой продукт земли бывает больше в малых хозяйствах; эта система дает стране возможность содержать большее количество населения. Но английские писатели вообще полагают, что так называемый чистый доход, излишек, остающийся за продовольствованием земледельцев, при системе малых хозяйств бывает меньше, что поэтому будет меньше и количество того населения, которое, получая свое продовольствие из этого излишка, может заниматься другими делами: фабричною промышленностью, торговлею, мореплаванием, защитой страны, развитием знаний, другими свободными профессиями и административными обязанностями; что поэтому, оставляя в стороне все вопросы о положении самих земледельцев, надобно сказать, что страна с малыми хозяйствами ниже страны с большими хозяйствами по важнейшим элементам национального могущества и по многим элементам национального благосостояния. Но это слышком легко принималось за дело доказанное. Конечно, пропорция неземледельческого населения к земледельческому при малом хозяйстве будет меньше, чем при большом. Но из этого еще вовсе не следует, что и по абсолютной численности неземледельческое население будет меньше. Если сумма земледельческого и неземледельческого населения больше, то неземледельческая часть его может быть сама по себе многочисленнее, хотя и составляет меньшую пропорцию в общей сумме. Если валовой продукт больше, то и чистый продукт может быть больше, хотя бы и составляла меньшую пропорцию в валовом продукте. Но даже Уэкфилд иногда, повидимому, смешивает эти разные понятия. Считают, что во Франции земледельческое население составляет две трети всего населения. В Англии оно составляет, по самому большому счету, одну треть. Из этого Уэкфилд делает такой вывод: «во Франции только три человека содержатся трудом двух земледельцев, а в Англии труд двух земледельцев содержит шесть человек, потому английское земледелие вдвое производительнее французского», благодаря большей успешности, доставляемой хозяйству обширных ферм сочетанием труда. Но, во-первых, самые факты тут преувеличены. Труд двух земледельцев в Англии не вполне содержит шесть человек, потому что значительное количество продовольствия ввозится из-за границы и из Ирландии. А во Франции труд двух земледельцев производит больше, чем пищу для трех человек: он также производит для них, и кроме того для иностранцев, лен, пеньку, значительную долю потребляемого ими шелка, масла, табака, а в последнее время и сахара, который в Англии весь получается из-за границы. Почти весь строевой лес, потребляемый во Франции, производится дома, а почти весь, потребляемый в Англии, приво-

зится из-за границы. Главная масса топлива во Франции добывается и привозится на рынок людьми, которых причисляют к земледельцам, а в Англии людьми, которых не причисляют к ним. Я не ввожу в соображение кож и шерсти, потому что эти продукты одинаково производятся в обеих странах, также не считаю виноградного вина и водки, потребляемых в самой Франции, потому что Англия имеет соответствующие продукты в водке и пиве; но она не имеет большого вывоза этих продуктов, напротив, даже ввозит довольно много водок, между тем как Франция снабжает виноградными винами и водками целый свет. Не говорю о фруктах, яйцах и других мелких статьях вывоза земледельческих продуктов. Но, не придавая чрезмерной важности всем этим вычетам, возьмем цифры, как их выставляют нам. Предположим, что в Англии два человека действительно производят пищу на шесть человек, а во Франции нужен для этого труд четырех человек. Следует ли из того, что Англия имеет большее количество излишка на содержание неземледельческого населения? Нет, следует только то, что она может употребить на это две трети, а не одну треть своего продукта. Положим, что при малом хозяйстве во Франции продукт вдвое больше; тогда одна треть его будет равняться двум третям продукта большого хозяйства. Если бы, благодаря большему количеству труда, употребляемому во французской системе, производилась пища для 12 человек на таком пространстве, какое при английской системе производит пищу для 6 человек, в таком случае, при сохранении условий, на которых построена гипотеза, могло бы в обеих странах существовать одинаковое количество рук, свободных для занятия другими делами, хотя бы в одной 8 человек производили пищу для 12 человек, а в другой пищу для 6 человек только 2 человека. Я говорю вовсе не то, что это действительно так. Я знаю, что средний валовой продукт экра во Франции гораздо меньше, чем в Англии; что, пропорционально пространству и плодородию земли, Англия имеет гораздо больше, чем Франция, свободного для других занятий населения. Но эта разница в числе такого населения никак не может измеряться слишком простою нормою Уэкфильда. Иначе пришлось бы сказать, что в Соединенных Штатах, где по последнему цензу из пяти семейств четыре оказываются занимающимися земледелием, земледельческий труд еще гораздо менее успешен, чем во Франции.

Сравнивая всю Францию, как одно целое, со всею Англиею, как одним целым, надобно согласиться, что французское земледелие в самом деле, хотя не в такой огромной пропорции, как говорят, менее производительно, чем английское; но эту разницу надобно приписывать не столько действию какой-нибудь специальной причины, сколько тому, что во Франции общий уровень промышленного искусства и энергии ниже, чем в Англии; а если разница отчасти происходит и от раздробленности земли, этим еще не доказывается невыгодность мелких хозяйств, а доказывается только то (что и на самом деле бесспорно), что земледельческие хозяйства во Франции очень часто бывают уже слишком мелкие, и что еще хуже, раздроблены на неимоверное множество клочков (*parcelles*), очень неудобно разбросанных и рассеянных.

Нельзя считать решенным вопроса о том, какое хозяйство, большое или малое, выгоднее по отношению к чистому продукту, — особенно если мелкий хозяин собственник возделываемого участка. Это вопрос, который ныне различно решается знатоками дела. В Англии господствующее мнение в пользу больших ферм; на континенте сильнейшие авторитеты думают иначе. Гейдельбергский профессор Рау, автор одного из самых обширных и основательных трактатов о политической экономии, человек, владеющий по своему предмету тем обширным знанием фактов и сочинений, которым вообще отличаются его соотечественники, считает положительно доказанным, что хозяйства малого или среднего размера дают большее количество не только валового, но и чистого продукта; впрочем, надобно желать, прибавляет он (стр. 352 и 335 французского перевода, изданного Кемметером), чтобы существовало и несколько больших землевладельцев, которые бы служили образцами в принятии новых усовершенствований. Из всех писателей, известных мне, самое беспристрастное и основательное, как мне кажется, суждение высказывает

Пасси, говорящий, что большие хозяйства выгоднее для производства хлеба и сена, но малые решительно выгоднее для производства продуктов, требующих особенно большого труда и внимания; такими производствами он называет виноделие и возделывание оливкового дерева, где каждое отдельное растение требует много труда и заботы, также возделывание корнеплодных и стручковых растений и, наконец, растений, дающих материалы для фабричной промышленности. По мнению всех авторитетов, многочисленность мелких ферм очень благоприятна изобилию множества мелких земледельческих продуктов*.

Ясно, что каждый земледелец, получающий от земли больше продовольствия, чем сколько нужно на потребление его самого с семейством, увеличивает массу средств для содержания неземледельческой части населения. Если этот излишек у него достаточен даже лишь на то одно, чтобы покупать одежду, работники, делающие эту одежду, уже составляют часть неземледельческого населения, содержащуюся продовольствием, которое он производит. Потому каждая земледельческая семья, производящая для себя предметы первой необходимости, уже дает прибавок к чистому продукту земледелия; этот чистый продукт увеличивается каждым поселанином, который своею земледельческою работою увеличивает валовой продукт земли количеством продовольствия большим того, сколько потребляет сам. Даже в самых раздробленных из тех европейских округов, возделыватели которых сами собственники своих участков, размножение земледельческого населения едва ли подходит или стремится подойти хотя бы к очень далекой от этого предела многочисленности. Во Франции, где раздробление земли, по общему признанию, слишком велико, все-таки оно еще очень далеко от предела, за которым начала бы уменьшаться сила мелких земледельческих хозяйств поддерживать неземледельческое население. Это доказывается положительными фактами, например, сильным возрастанием городов. Городское население Франции в последнее время возросло в пропорции гораздо высшей, чем общее число французского населения^{74**}. Нет оснований думать, что положение городских работников быстро ухудшается; потому этот факт показывает, что производительность французского земледелия возрастает даже по отношению чистого продукта к валовому продукту, — даже по этой пропорции, которую ошибочно было бы принимать нормою для решения. А между тем есть факты, несомненно показывающие, что потребление земледельческих продуктов самими земледельцами значительно увеличилось в округах, имеющих усовершенствованное земледелие, и в некоторых из округов, до последнего времени не знавших усовершенствованной обработки.

В этой главе мы рассматривали вопрос о хозяйствах большого и малого размера, исключительно только как вопрос о производстве и успешности труда. Впоследствии мы рассмотрим его со стороны распределения продукта, со стороны материального и общественного благосостояния самих земледельцев. В этих отношениях он заслуживает и требует еще более подробного разбора.

* «В Северном департаменте говорит Пасси, ферма, имеющая 20 гектаров, иногда продает в год на 1 000 франков телят, молока, яиц и птицы; за вычетом издержек это составляет прибавку от 15 до 20 франков чистого дохода на гектар». *Systèmes de culture*, стр. 114. — *Прим. авт.*

** В период между переписями 1851 и 1856 годов увеличение числа жителей в одном Париже было больше, чем увеличение всего числа жителей во Франции. Почти во всех других городах число жителей также возросло в эти годы. — *Прим. авт.*